

О КРИТЕРИЯХ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА ОДНОСТОРОННИХ АКТОВ ГОСУДАРСТВ

Елена Коннова

При правовой квалификации односторонних актов государств, способных привести к возникновению юридических обязательств, одной из основных проблем выступает ограничение политических заявлений от односторонних актов, имеющих правовой характер. Любое одностороннее заявление лица, компетентного выступать от имени государства, в первую очередь, должно быть квалифицировано с точки зрения его правового характера для решения вопроса о том, вызывает ли оно правовые последствия или имеет лишь политическое значение. Целью данной статьи является выявление критериев для проведения квалификации односторонних актов в качестве правовых актов соответствующих государств, вызывающих возникновение для них международных обязательств.

Несмотря на наличие достаточно большого числа работ, посвященных исследованию односторонних актов государств (например, А. Х. Абашидзе, М. В. Ильяшевич [1], Дж. Баррозо Гонсалеса, Р. Гарсиа Броша [27], В. Дега на [30], К. Земанека [39], Р. А. Каламкаряна [9], С. А. Мельник [11], К. Скубишевского [38]), проблема ограничения односторонних правовых актов от актов политических не получила доктринальной разработки. Ученые высказываются о важности проведения такого ограничения, указывая, что основным критерием для него выступает намерение совершающего односторонний акт государства вызвать правовые последствия [1, с. 38–40; 11, с. 84–85; 34, р. 15–16]. Определенный вклад в решение указанной проблемы вносят выводы о необходимости толкования односторонних актов с учетом всех обстоятельств [1, с. 47, 61–71]. Между тем, отсутствие разработанного алгоритма правовой квалификации односторонних актов государств и четких критериев для установления правового характера таких актов представляет собой пробел в современной науке международного права. Следствием этого является разрозненность подходов в отношении квалификации отдельных односторонних заявлений.

Примером односторонних актов, получивших неоднозначную трактовку в доктрине, могут служить так называемые «негативные га-

рантии безопасности» — гарантии неприменения ядерного оружия, предоставленные ядерными державами государствам — участникам Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (далее — ДНЯО), таким оружием не обладающим [17–21]. Адресатом данных гарантий является и Республика Беларусь, которая присоединилась к ДНЯО в 1993 г.

Взгляды ученых на характер заявлений о негативных гарантиях разделились. К. Гудман [34, р. 9], Э. Гарсиа Рико дель Мар и А. Дж. Родригес Каррион [33, р. 127] считают, что гарантии были задуманы именно как односторонние юридические акты. Специальный докладчик Комиссии международного права ООН по теме «Односторонние акты государств» В. Р. Седенно полагает, что, напротив, «позиция авторов заявлений и общая позиция государств отражают политический характер» данных заявлений [2, с. 25]. В пользу такого мнения свидетельствует резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2008 г., в которой гарантии квалифицируются как односторонние заявления ядерных держав относительно их политики отказа от применения ядерного оружия против государств, таким оружием не обладающих [7, с. 3].

Действительно, некоторые государства — бенефициары гарантий отнеслись к ним с большой долей скепсиса. Представитель Индии, например, указал на то, что такие гарантии не отвечают критериям, устанавливаемым для имеющих обязательную силу международных правовых обязательств [22, с. 7], а представитель Малайзии прямо заявил, что они «лишены правовой силы... [и] не внушают большой уверенности» [22, с. 20].

Наряду с этим в Комиссии международного права ООН обращалось внимание, что «не совсем корректно говорить о том, что торжественные заявления в Совете Безопасности в отношении ядерного оружия не имеют правовых последствий» [6, с. 230]. Международный Суд ООН в Консультативном заключении о законности угрозы ядерным оружием или его применения 1996 г. называет эти заявления международно-правовыми документами и ставит их в один ряд с договорами Тлателолко о запрещении ядерного оружия в Ла-

вопросы теории

международное право

Автор:

Коннова Елена Владимировна — старший преподаватель кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Дейкало Екатерина Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Михалёва Татьяна Николаевна — кандидат юридических наук, заместитель руководителя института — начальник отделения исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

тинской Америке 1967 г., Раротонга о создании безъядерной зоны в южной части Тихого океана 1985 г. и ДНЯО [3, с. 29]. Вице-председатель Суда С. Швельбел следующим образом структурировал свое несовпадающее особое мнение в части содержания правовых принципов, касающихся применения ядерного оружия: ДНЯО; *негативные и позитивные гарантии безопасности...; другие международные договоры, касающиеся ядерного оружия* [3, с. 86—91].

Полагаем, что рассматриваемые заявления следует квалифицировать как односторонние юридические обещания, исходя из следующих соображений. Однозначность и четкость формулировок, используемых в письмах о гарантиях, неоднократное повторение содержащихся в этих актах обязательств, форма их совершения характеризуют намерение государств-авторов как намерение принять обязательства юридического характера.

Тот факт, что гарантии не вызвали должного доверия со стороны государств, которым они адресованы, не лишает их юридически обязательного характера, поскольку односторонний акт государства не требует какой-либо реакции со стороны его адресатов [35, р. 267]. Постоянная палата международного правосудия и Международный Суд ООН не раз признавали юридический характер односторонних заявлений государств, несмотря на сомнения в отношении их обязательности, которые высказывались адресатами соответствующих актов (например, дело о свободных таможенных зонах Верхней Савойи 1932 г. [29, р. 170], дело о ядерных испытаниях 1974 г. [35, р. 269]).

Реакция адресатов акта не рассматривается в качестве элемента, имеющего значение для юридической обязательности одностороннего акта, и в доктрине. Некоторое недоверие со стороны государств вызвали заявления о непризнании первыми ядерного оружия, провозглашенные с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН от имени Китайской Народной Республики (в 1971 г. [32, р. 119]) и СССР (в 1982 г. [15]). Нидерланды, ФРГ и Япония отметили «необходимость согласования этих гарантий с целью достижения эффективных договоренностей, которые давали бы... гарантии против угрозы применения или применения такого оружия» [37, р. 2]. При этом указанные заявления приводятся в доктрине в качестве классического примера одностороннего правового обещания.

Хотя на международных конференциях продолжает ставиться вопрос о необходимости принятия соглашения, предусматривающего негативные гарантии безопасности, это не умаляет значимости уже принятых односторонних обязательств. В рабочем документе «Гарантии безопасности», представленном в 2005 г. на Конференции участников ДНЯО, был приведен единственный аргумент в пользу недостаточности предоставленных рассматриваемыми односторонними заявлениями

гарантий: «Основное обязательство — не стремиться к приобретению ядерного оружия — было взято в рамках Договора о нераспространении; и поэтому гарантии безопасности также должны предоставляться либо в контексте этого Договора, либо в качестве его составной части» [5, с. 5].

Таким образом, доверие адресатов одностороннего акта государства в отношении содержащихся в нем обязательств не играет роли при правовой квалификации такого акта. Приоритетное значение имеют однозначность формулировок, содержащихся в заявлении, и контекст, в котором оно принимается. В рассмотренных случаях значение для установления намерения принять обязательство юридического характера сыграла также форма совершения акта.

Вопрос о форме, в которой может быть предпринято одностороннее международно-правовое обязательство, заслуживает отдельного внимания. Международное право не устанавливает определенной формы, в которой должен быть совершен односторонний акт государства. По мнению некоторых ученых (А. Х. Абашидзе, М. В. Ильяшевич [1, с. 152—153], Ю. Андреева [26, р. 140—141], М. Потеста [36, р. 161]), одностороннее международно-правовое обязательство может быть предпринято в форме акта национального законодательства, предоставляющего определенные права другим субъектам международного права.

В законодательстве Республики Беларусь имеются примеры одностороннего предоставления иным субъектам международного права расширенных по сравнению с предусмотренными международными договорами прав. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 183 Беларусь освободила Представительство Международной организации по миграции в Республике Беларусь от обложения налогом на добавленную стоимость оборотов по реализации на территории страны товаров, работ, услуг для его официальной деятельности, а также аренды, предоставляемой ему для этих целей [14, с. 3]. Такая привилегия выходит за рамки международных договорных обязательств по Соглашению между Правительством Республики Беларусь и Международной организацией по миграции о сотрудничестве от 22 июля 1998 г. [25] и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений от 21 ноября 1947 г. [10], в соответствии с которыми предусмотрено освобождение лишь от прямых налогов.

Между тем, акты национального законодательства, пусть и имеющие значение для иностранных государств или международных организаций, не влекут *международно-правовых* последствий. Сами по себе нормы национального права не могут выступать источником международных обязательств. Обя-

зательства по международному праву возникают только в том случае, если государство делает официальное заявление о таком шаге [24, с. 16]. Но и в этой ситуации односторонним актом государства может выступать соответствующее заявление его компетентных органов, а не акт законодательства. В ином случае, соблюдая внутреннюю процедуру и выполнив условия для избежания применения принципа эстоппель, государство может отозвать обязательства, содержащиеся в его законодательстве, без какого-либо согласования с другими акторами. Ввиду изложенного акты национального законодательства *per se* не подлежат квалификации в качестве односторонних актов государства.

В этом плане интерес представляют акты, посредством которых ряд стран в одностороннем порядке предоставили безвизовый режим для граждан Беларуси при соблюдении определенных условий. Речь идет о Гондурасе, Малайзии, Никарагуа, Перу, Эквадоре и Сингапуре. Соответствующие решения, закрепленные в национальном законодательстве указанных стран, были доведены до сведения Республики Беларусь посредством направления нот в Министерство иностранных дел [16]. В одностороннем же порядке Республика Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 227 предоставила безвизовый режим для граждан Катара, пребывающих на территории Республики Беларусь не более 30 суток со дня въезда [13]. Такие односторонние действия, несомненно, влекут международно-правовые последствия. Вместе с тем, они не имеют безотзывного характера, несмотря на наличие релевантного, с точки зрения международного права, заявления государства. Для их отзыва не требуется согласия адресатов соответствующих актов, поскольку они, как правило, не представляют собой «обещаний». Эти акты не содержат обязательств на будущее, а скорее констатируют правила, которые государство-автор считает приемлемыми на данном этапе развития его отношений с иными государствами. Односторонний отзыв подобных актов при определенных обстоятельствах может рассматриваться как недружественный акт, но не будет являться нарушением международного права.

Таким образом, односторонним актом может явиться заявление компетентных органов государства, notiфицирующее о решении последнего предоставить какие-либо права субъекту международного права, когда это решение находит отражение в национальном законодательстве. Осуществляя правовую квалификацию односторонних заявлений (как notiфицирующих о принятии акта национального законодательства, так и других), следует применять телеологическое толкование, позволяющее установить, являются ли заявления констатацией определенного положения дел, со-

ставляющего правовую реальность на данный момент, или же они нацелены на принятие обязательств на будущее.

Для установления намерения государства совершить односторонний акт, имеющий правовой характер, имеет значение возможность получения более-менее четкого представления о сроках, в которые предполагается выполнить обязательство. В деле о военных действиях на территории Конго (Конго против Руанды, 2006 г.) Международный Суд ООН отказал в признании юридической обязательности заявления министра юстиции Руанды в Комиссии ООН по правам человека 17 мая 2005 г. о том, что еще не отозванные оговорки к международным договорам по правам человека «вскоре будут отозваны» [28, р. 22]. Суд принял во внимание «общий характер формулировок», используемых в них, а также «отсутствие какого-либо указания на четкий интервал времени», в течение которого они должны были быть выполнены [28, р. 24].

Примером односторонних актов обещания, отвечающих указанным критериям, являются заявления, касающиеся безвизового въезда, предоставляемого иностранным гражданам на период спортивных соревнований, сделанные Российской Федерацией и Республикой Беларусь в 2008 и в 2009 гг. соответственно. 5 мая 2008 г. посольство Российской Федерации в Лондоне официально заявило о том, что британские болельщики с 17 по 25 мая 2008 г. смогут отправиться в Москву на финальный матч Лиги чемпионов между английскими командами без виз при предъявлении заграничного паспорта, билета на матч и российской миграционной карты [8]. Юридический характер данного обещания не подлежит сомнению. Рассматриваемое заявление отличается четкостью формулировок, содержит конкретное обязательство на определенный срок и исходит от компетентных органов государства. Обязательство такого же характера было предпринято в одностороннем порядке Республикой Беларусь в 2009 г. Речь идет о предоставленной министром иностранных дел Республики Беларусь письменной гарантии того, что в случае, если Беларусь будет выбрана местом для проведения чемпионата мира по хоккею в 2014 г., республика обеспечит безвизовый въезд для участников и болельщиков чемпионата. Данный односторонний акт можно квалифицировать как одностороннее обещание с отлагательным условием, которое вступило в силу с того момента, как Республика Беларусь была назначена местом проведения чемпионата. Рассматриваемое международное обязательство Республики Беларусь имплементировано Указом Президента Республики Беларусь от 16 января 2012 г. № 28 «О некоторых вопросах по проведению чемпионата мира по хоккею 2014 года в г. Минске» [15].

Одним из способов, предлагаемых в доктрине для решения вопроса о юридическом или политическом характере обязательства, является предположение о последствиях его нарушения [31, s. 71]. Международно-правовой характер обязательства предполагает возникновение международной ответственности за его нарушение. С учетом этого критерия нельзя согласиться с тем, что подходящими примерами обещаний являются заверения об оказании поддержки в приобретении статуса члена организации или ее органа [24, с. 19] или совместные заявления государств о создании ими в будущем международной организации [23, с. 315]. Даже если факт нарушения таких «обещаний» будет доказан, сложно представить, какую форму должна была бы принять ответственность за него. Ни одна из существующих форм международно-правовой ответственности не является подходящей для таких случаев. Подобные обещания, с нашей точки зрения, носят только политический характер и не вызывают правовых последствий.

В пользу такой трактовки заверений о поддержке в приобретении статуса члена организации свидетельствует также характер предмета данных заверений. Как отмечалось представителем Российской Федерации в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН М. В. Заболоцкой, если исходя из содержания акта «его предмет может быть четко определен и носит выраженный правовой характер, то мы имеем дело с односторонним актом правового характера» [4, с. 4]. В рассматриваемом случае сложно говорить о какой-либо правовой нагрузке, которую может нести предмет соответствующих заявлений, что не дает возможности квалифицировать их в качестве односторонних правовых актов.

Итак, для установления намерения принять юридическое обязательство (основного критерия для разграничения правовых и политических односторонних актов) следует обращать внимание на выбор формулировок заявления. В политических актах предпочтение отдается словам «будем стремиться», «ставим целью», «приложим усилия», «приветствуем» и т. п. вместо более однозначных выражений «обязуемся», «(не) будем», «обеспечим», «предоставим», «гарантируем», «принимаем ответственность за», «признаем», «подтверж-

даем решение» и т. п. При решении вопроса о квалификации одностороннего акта в качестве юридического необходимо также учитывать его предмет, который должен носить правовой характер, и возможность возникновения юридической ответственности за нарушение акта. Значение для установления правового характера акта имеет возможность определения срока, в который предполагается выполнить обязательство. Фразы типа «в ближайшее время», «вскоре», «после Нового года» характеризуют соответствующее заявление как заявление о намерении, не обладающее юридической силой. Четко же обозначенный в заявлении срок выполнения обязательства может свидетельствовать о «твердости» принимаемого обязательства, его юридическом характере.

В связи с этим можно предложить следующие критерии правового характера односторонних актов государств:

— предмет акта (он должен иметь правовой характер);

— четкость, однозначность формулировок (размытость содержащихся в заявлении обязательств свидетельствует об отсутствии намерения вызвать последствия по международному праву);

— возможность установления сроков выполнения принимаемого обязательства (отсутствие такой возможности может указывать на то, что декларация представляет собой лишь заявление о намерении, не налагающее юридических обязательств);

— нацеленность содержащихся в акте обязательств на будущее (акт не должен являться простой констатацией приемлемой на данный момент действительности);

— возможность возникновения международно-правовой ответственности за нарушение обязательства (в случаях, когда предположение о нарушении обязательства приводит к выводу, что юридическая ответственность за нарушение невозможна, очевидным становится неправовой характер такого обязательства).

Применение данных критериев для квалификации односторонних актов государств в качестве правовых призвано укрепить правовую определенность в этой сфере и повысить эффективность применения данного инструмента международного сотрудничества.

Литература

1. Абашидзе, А. Х. Односторонние акты государств: вопросы теории и практики / А. Х. Абашидзе, М. В. Ильяшевич. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. — 193 с.
2. Восьмой доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седено: док. ООН A/CN.4/557. — Женева: ООН, 2005. — 43 с.
3. Всеобщее и полное разоружение: консультативное заключение Международного Суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения: док. ООН A/51/218 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/51/218>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
4. Выступление Представителя Российской Федерации М. В. Заболоцкой в Шестом Комитете по пункту 144 повестки дня «Доклад Комиссии международного права» 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 9 ноября 2004 г. [Электронный ресурс] // Постоянное Представительство Российской Федерации при Организации Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.int/russia/statemnt/ga/59th/6th_com/041109r6.pdf>. — Дата доступа: 06.02.2014.

5. Гарантии безопасности: рабочий документ, представленный Конференции 2005 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора Новой Зеландией от имени Бразилии, Египта, Ирландии, Мексики, Швеции и Южной Африки как членов Коалиции «Новая повестка дня»: док. ООН NPT/CONF.2005/WP.61 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=NPT/CONF.2005/WP.61>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
6. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят шестой сессии: док. ООН A/59/10. — Нью-Йорк: ООН, 2004. — X, 317 с.
7. Заключение эффективных международных соглашений о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия: док. ООН A/RES/63/39 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/63/39>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
8. Заявление Посольства России для прессы о порядке въезда британских болельщиков на финал Лиги чемпионов [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. — Режим доступа: <<http://www.rus.rusemb.org.uk/article/15>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
9. Каламкарян, Р. А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств / Р. А. Каламкарян; отв. ред. В. И. Менжинский. — М.: Наука, 1984. — 133 с.
10. Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений от 21 ноября 1947 г. // Действующее международное право: учеб. пособие. В 3 т. Т. 1 / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. — М., 1996. — С. 620–632.
11. Мельник, С. А. Односторонние акты государств в современном международном праве / С. А. Мельник. — Одесса: Фенікс, 2011. — 336 с.
12. Обращение Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР ко Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Правда. — 1982. — 16 июня. — С. 1.
13. Об установлении безвизового порядка въезда, выезда и осуществления транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь граждан Государства Катар: Указ Президента Респ. Беларусь от 6 июня 2011 г. № 227 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
14. О некоторых вопросах деятельности Представительства Международной организации по миграции в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 27 марта 2008 г., № 183 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2008. — № 81. — 1/9580.
15. О некоторых вопросах по проведению чемпионата мира по хоккею 2014 года в г. Минске: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2012 г., № 28 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2012. — № 1. — 1/13251.
16. Перечень стран, с которыми Беларусь имеет соглашения, регулирующие режим поездок [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.mfa.gov.by/visa/addfc03bf5492769.html>>. — Дата доступа: 16.07.2011.
17. Письмо Временного Поверенного в делах Постоянного представительства Соединенных Штатов Америки при Организации Объединенных Наций от 6 апреля 1995 года на имя Генерального секретаря: док. ООА/50/154—S/1995/263 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/50/153>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
18. Письмо Постоянного представителя Китая при Организации Объединенных Наций от 6 апреля 1995 года на имя Генерального секретаря: док. ООН A/50/155—S/1995/265 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/50/155>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
19. Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 6 апреля 1995 года на имя Генерального секретаря: док. ООН A/50/151—S/1995/261 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/50/151>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
20. Письмо Постоянного представителя Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Организации Объединенных Наций от 6 апреля 1995 года на имя Генерального секретаря: док. ООН A/50/152—S/1995/262 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/50/153>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
21. Письмо Постоянного представителя Франции при Организации Объединенных Наций от 6 апреля 1995 года на имя Генерального секретаря: док. ООН A/50/154—S/1995/264 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/50/154>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
22. Предварительный отчет о 3514-м заседании Совета Безопасности, 11 апр. 1995 г.: док. ООН S/PV.3514 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.3514>>. — Дата доступа: 06.02.2014.
23. Савчук, К. О. Становлення та розвиток міжнародно-правового співробітництва в рамках ГУАМ / К. О. Савчук, І. М. Проценко, С. О. Мельник // Правова держава / Ін-т держави і права НАН України. — Київ, 2006. — Вип. 17. — С. 303–317.
24. Седьмой доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седеньо: док. ООН A/CN.4/542. — Женева: ООН, 2004. — 95 с.
25. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Международной организацией по миграции о сотрудничестве: [заключено в г. Минске 22.07.1998 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
26. Andreeva, Y. Interpreting consent to arbitration as a unilateral act of state: a case against conventions / Y. Andreeva // Arbitration Intern. — 2011. — Vol. 27, N 2. — P. 129–146.
27. Barroso Gonzalez, J. Los actos unilaterales y su aplicacion en Cuba / J. Barroso Gonzalez, R. Garcia Broche [Electronic resource] // Realidad Juridica. — 2006. — Vol. 7, N 1. — Mode of access: <<http://realidadjuridica.uabc.mx/realidad/contenido-uniat.html>>. — Date of access: 06.02.2014.
28. Case concerning armed activities on the territory of the Congo (new application: 2002) (Democratic Republic of Congo v. Rwanda); jurisdiction of the court and admissibility of the application: judgment of 3 Febr. 2006 [Electronic resource] // International Court of Justice. — Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/docket/files/126/10435.pdf>>. — Date of access: 06.02.2014.
29. Case of the Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex (France v. Suisse): judgement of 7 June 1932 [Electronic resource] // WorldCourts: International Case Law Database. — Mode of access: <http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1932.06.07_savoy_gex.htm>. — Date of access: 26.12.2013.
30. Degan, V. D. Unilateral act as a source of particular international law / V. D. Degan // Finnish Yearbook of International Law. — 1994. — Vol. 5. — P. 149–266.
31. Fiedler, W. Zur Verbindlichkeit einseitiger Versprechen im Völkerrecht / W. Fiedler // German Yearbook of International Law. — 1976. — Vol. 19. — S. 35–72.

32. Focsaneanu, L. La République Populaire de Chine à l'ONU, problèmes politiques et de sécurité / L. Focsaneanu // Annu. Fr. de Droit Intern. — 1974. — Vol. 20. — P. 115–152.
33. Garcia Rico del Mar, E. El uso de las armas nucleares y el derecho internacional / E. Garcia Rico del Mar, A. J. Rodriguez Carrion. — Madrid: Tecnos, 1999. — 191 p.
34. Goodman, C. Acta Sunt Servanda? A regime for the unilateral acts of states at international law: paper, presented at the 2005 ANZIL conf. / C. Goodman [Electronic resource] // The Australian National University, College of Law. — Mode of access: <http://150.203.86.5/cipl/Conferences_SawerLecture/05-ANZIL-Papers/Goodman.pdf>. — Date of access: 06.02.2014.
35. Nuclear tests case (Australia v. France): judgement of 20 Dec. 1974 [Electronic resource] // International Court of Justice. — Mode of access: <<http://www.icj-cij.org/docket/files/58/6093.pdf>>. — Date of access: 24.12.2013.
36. Potesta, M. The interpretation of consent to ICSID arbitration contained in domestic investment laws / M. Potesta // Arbitration International. — 2011. — Vol. 27, N 2. — P. 149–169.
37. Report of the Ad Hoc Committee of the Twelfth Special Session: UN Doc. A/S-12/32 [Electronic resource] // United Nations Organization. — Mode of access: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/S-12/32>>. — Date of access: 03.03.2014.
38. Skubiszewski, K. Les actes unilatéraux des états / K. Skubiszewski // Droit international: bilan et perspectives. In 2 vol. Vol. 1 / M. Bedjaoui. — Paris, 1991. — P. 231–240.
39. Zemanek, K. Unilateral legal acts revisited / K. Zemanek // International law: theory and practice: essays in honour of E. Suy / ed. by K. Wellens. — The Hague, 1998. — P. 209–222.

«О критериях правового характера односторонних актов государств» (Елена Коннова)

С учетом основных признаков односторонних актов государств и на основе анализа государственной и международной судебной практики, а также актов международных организаций в статье выявляются критерии для квалификации отдельных односторонних заявлений в качестве односторонних актов государств, имеющих правовой характер и вызывающих международные обязательства для их авторов. Сделан вывод, что акт может быть квалифицирован в качестве одностороннего акта государства, вызывающего международно-правовые последствия, если его предмет имеет правовой характер, если он содержит четкие и однозначные формулировки, если возможно установить сроки выполнения принимаемого обязательства, если акт не является простой констатацией приемлемого на данный момент положения дел. Указанные критерии подтверждают намерение государства — автора акта принять юридические обязательства. Кроме того, одним из критериев правового характера акта является возможность возникновения международно-правовой ответственности за нарушение обязательств, содержащихся в нем.

«On the Criteria of the Legal Character of Unilateral Acts of States» (Elena Konnova)

Taking into account the main features of unilateral acts of states and on the basis of the analysis of state practice, international judicial practice and the acts of international organizations, the article identifies some criteria for qualification of particular unilateral statements as unilateral acts of States which have legal nature and impose international commitments on their authors. The conclusion is made that an act can be qualified as a unilateral act of a State, causing international legal consequences, if its subject is of legal nature, if it contains clear and unambiguous language, if it is possible to establish the time terms of commitments implementation, if the act is not a mere confirmation of the currently acceptable state of affairs. The given criteria confirm the intent of the state author of the act to undertake legal commitments. In addition, one of the criteria of the legal nature of an act is the possibility of the international legal responsibility for the breach of an obligation, comprised in the act.

Статья поступила в редакцию в феврале 2014 г.